

А.В. Манойло, А.Э. Попадюк

ЗАРУБЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ «ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию сущности и содержания феномена «фейковых новостей» и их влиянию на современные политические процессы. Авторы отмечают, что с момента избрания в 2016 г. Дональда Трампа президентом США в российском и зарубежном научном сообществе в описании политических процессов стал широко использоваться термин «фейковые новости», под которыми, как правило, понимают заведомо ложную информацию резонансного характера, оказывающую сильное (часто шокирующее) воздействие на эмоциональную сферу. Еще большую актуальность приобрел данный термин в связи с недавно принятым в Российской Федерации Законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также с изменениями в Кодексе об административных правонарушениях, направленными на противодействие распространению и влиянию «фейковых новостей». Эффективность воздействия «фейковых новостей» может быть связана как с эмоциональной составляющей механизмов их распространения, так и с общей тревожностью общества, с эффектом ожидания новых сенсаций, порождающих массовый невроз. В отличие от достоверных сведений, основанных на фактах, «фейковые новости» основаны на страхах, домыслах, слухах, провокационных обвинениях и поэтому часто вызывают острый общественный резонанс, провоцируя в обществе различные формы девиантного поведения. Неконтролируемое распространение «фейковых новостей» в информационном пространстве вызывает такие негативные последствия, как: снижение доверия к СМИ, падение уровня легитимности власти, рост социальной напряженности и протестных настроений. В данных условиях особую актуальность приобретает контроль за распространением деструктивной информации. Все это в совокупности требует выработки эффективных форм и методов противодействия «фейковым новостям», их влиянию на общественные и политические процессы, основанные на прочном научном базисе, понимании природы их возникновения и механизмов распространения.

Ключевые слова: политика; государство; информация; информационные технологии; «фейковые новости»; политическая стабильность; безопасность; информационная война.

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), профессор, кафедра российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва. E-mail: 9315891@gmail.com
Web of Science Researcher ID: AAC-6926–2020;
Scopus Author ID: 35786189200

Попадюк Алла Эдуардовна – аспирант, факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва.
E-mail: alla.borisov2011@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAE-8931–2020

Manoylo A.V., Popadiuk A.E. Foreign Scientific Approaches to the Study of «Fake News» in World Politics

***Abstract.** Analyzing the phenomenon of «fake news» and its impact on today's political processes, the authors note that since D. Trump was elected President of the United States in 2016, the term «fake news» has become widely used in the political lexicon both in Russian and foreign academic circles. «Fake news» means deliberately false «resonant» information that has a strong (often shocking) effect on the emotional sphere of information consumers. The study of this subject has become still more important since the adoption in the Russian Federation of the Law on Information, Information Technologies and the Protection of Information in the Russian Federation; the same effect should have recent changes in the Administrative Offenses Code aimed at counteracting the spread and influence of fake news. The impact of fake news can be linked both to their emotional content and to public anxiety, with people expecting new sensations that generate mass neurosis. In contrast to reliable information based on facts, fake news is based on fears, speculations, rumors, inflammatory allegations, often triggering a wide public resonance and provoking various forms of deviant behavior in society. Uncontrolled distribution of fake news in the information space causes such negative consequences as reducing trust in mass media, decline in the legitimacy of authority, rising social tensions and proliferation of protests. In such situations, particularly relevant is the control over dissemination of destructive information. All of this requires development of effective forms and methods for countering «fake news» and their influence on social and political processes.*

***Keywords:** politics; state; information; information technology; «fake news»; political stability; security; information war.*

Manoylo Andrey Viktorovich – Doctor of Political Science, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Professor, Russian Politics Program, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.
E-mail: 9315891@gmail.com
Web of Science Researcher ID: AAC-6926–2020;
Scopus Author ID: 35786189200

Popadiuk Alla Eduardovna – Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.
E-mail: alla.borisov2011@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAE-8931–2020

Введение

В настоящее время проблема защиты российского общества от деструктивного воздействия «поддельных новостей» в информационном пространстве приобретает особую актуальность. Сегодня любое значимое событие сопровождается вброс «фейковых новостей»: примером тому могут служить президентские выборы в США 2016 г. или референдум о «Brexit» в Великобритании. Сопровождающие эти события вбросы «фейковых новостей» провоцируют нагнетание страха и паники среди населения, распространение слухов и домыслов, создающих опасность политической дестабилизации общества. «Поддельные новости» как инструмент информационной войны требуют выработки мер противодействия влиянию, которое они оказывают на сознание людей.

«Фейковые новости» – это сообщения заведомо ложного резонансного характера, способные вызвать в обществе ажиотаж вокруг несуществующего (создаваемого этими же новостями) информационного повода. В сочетании с «вирусными» технологиями и механизмами распространения в СМИ и социальных сетях, «фейковые новости» в современных политических кампаниях становятся опасным инструментом воздействия на массовое сознание граждан. Основной задачей «фейковых новостей» в современных политических кампаниях и процессах становится перехват политической повестки с ее последующим замыканием на информационный повод, генерируемый самой «фейковой новостью», а также создание вокруг этого информационного повода всеобщего ажиотажа. В отдельных случаях «фейковые новости» могут использоваться экстремистами для формирования социально-политической напряженности, провоцирования паники, протестных настроений, что создает существенные угрозы национальной безопасности.

В научном плане «фейковые новости» и их влияние на формирование общественного мнения представляют собой малоизученную область, феномен, требующий глубокого и фундаментального политико-философского осмысления.

Исследование

Сам термин «фейковые новости» («фальшивые новости», «фейки») стал широко использоваться в российских политологических исследованиях сравнительно недавно – с конца 2016 – начала 2017 г., с момента избрания

Д. Трампа президентом США. Уровень значимости «фейковых новостей» и их влияния на общество и политику подчеркивается тем вниманием, которое Российское государство уделяет проблеме законодательного регулирования информационного пространства («суверенизация Интернета») и противодействия распространению «фейковых новостей» (так, Государственная дума РФ на пленарном заседании 7 марта 2019 г. приняла в третьем, окончательном чтении поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и изменения в Кодекс об административных правонарушениях, направленные на противодействие «фейковым новостям»). В научном плане еще только предстоит выработать точное научное определение этому явлению и дать ему характеристику, определить его социальную и политическую значимость, характер и степень влияния на современные общественные отношения и процессы, соотносимость их с другими общественно-политическими явлениями, имеющими близкие природу и происхождение. «Фейковые новости» нуждаются не только в дефиниции, но и в классификации и типологизации, а также в разработке собственного методологического аппарата, позволяющего исследовать данный феномен в естественных условиях.

В зарубежных исследованиях постепенно формируется определенное отношение к «фейковым новостям» не только как к угрозе, но и как к объекту политологического анализа.

Так, Гордон Пенникук, Тайрон Кэннон и Дэвид Дж. Рэнд в статье «Предшествующее воздействие повышает предполагаемую точность поддельных новостей» [Penpusook et al. 2017] анализируют президентские выборы в США 2016 г., которые привлекли значительное внимание к феномену «фальшивых новостей» – полностью сфабрикованному контенту, который представляется аудитории как факт, не требующий проверки. Особое внимание авторы уделяют механизму, способствующему убеждению в правдоподобности фальшивых новостей: «беглость посредством предварительного воздействия». «Иллюзорный эффект правды» для фальшивых заголовков новостей возникает несмотря на низкий уровень общей правдоподобности, даже когда любое описываемое событие помечено редактором или модератором СМИ как оспариваемое или «несовместимое с политическими взглядами читателя». Результаты исследования, проведенные авторами, свидетельствуют о том, что платформы социальных сетей помогают внушить веру в откровенно фальшивые новости и что маркировка таких новостей как спорных не является эффективным решением данной проблемы.

В свою очередь, Джек М. Балкин в статье «Свобода слова в алгоритмическом обществе: большие данные, частное управление и новое школьное регулирование речи» [Balkin 2018] утверждает, что в период алгоритмического общества «агенты искусственного интеллекта» и «Big Data» способны

управлять населением посредством цифровой инфраструктуры, крупных многонациональных платформ социальных сетей и поисковых систем, которые находятся между традиционными национальными государствами и обычными людьми и служат в качестве специальных регуляторов общественного мнения. По мнению автора, алгоритмическое общество порождает две главные проблемы свободы выражения мыслей: во-первых, большие данные допускают новые формы манипуляции и контроля, которые частные компании будут пытаться узаконить и изолировать от регулирования, используя принципы свободы слова; во-вторых, социальные сети и онлайн-платформы в настоящее время управляют сознанием людей так же, как когда-то национальные государства.

В публичном дискурсе «фейковые новости» часто используются для обозначения нескольких различных явлений. Отсутствие ясности в отношении того, что именно является «фальшивыми» новостями, затрудняет разработку решений по противодействию им. Так, Марк Верстраете, Дерек Э. Бамбауэр и Джейн Р. Бамбауэр в статье «Выявление и противодействие поддельным новостям» [Verstraete et al. 2017] выявляют несколько разных типов поддельных новостей: обман, пропаганда, троллинг и сатира. Авторы определяют отличительные особенности каждого типа для того, чтобы выработать эффективные формы противодействия влиянию, которое они способны оказывать на общество и политику. Марк Верстраете, Дерек Э. Бамбауэр и Джейн Р. Бамбауэр выделяют две определяющие особенности поддельных новостей: 1) намерен ли автор обмануть читателей и 2) носит ли мотивация создания поддельных новостей финансовый (коммерческий) характер.

Йозеф Дрексл в статье «Экономическая эффективность и демократия: о потенциальной роли конкурентной политики в регулировании цифровых рынков в эпоху пост-правдивой политики» [Drexl 2016] утверждает, что опыт, основанный на референдуме о «Brexit» в Великобритании и «недавних президентских выборах в США», подчеркивает способность популистских политических движений использовать «фальшивые новости» в личных интересах для того, чтобы завоевать голоса избирателей с помощью своей «пост-правдивой политики». Автор подчеркивает, что в настоящее время граждане все чаще полагаются на новости, распространяемые интернет-посредниками или агрегаторами (такими, как «Facebook», «Twitter» или «Google»), для выбора того или иного кандидата. Такие посредники разрабатывают свои бизнес-модели и свои алгоритмы выбора новостей в соответствии с чисто экономическим обоснованием. Тем не менее автор утверждает, что распространение новостей через социальные платформы оказывает негативное влияние на демократический процесс, способствуя распространению ложных фактических утверждений и поддельных новостей. В результате это приводит

к радикализации и разделению общества по политическим и идеологическим признакам.

Канчан Каур, Шьям Наир, Йенни Квок, Масато Каджимото, Ивонна Т. Чуа, Миллиампер Диоса Лабист, Сун Кэрол, Хейли Джо, Лихьюн Лин, Триу Тан Ле и Энн Крюгер в статье «Информационная дестабилизация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: обзор дезинформационной экосистемы в Австралии, Индии, Индонезии, Японии, на Филиппинах, в Сингапуре, Южной Корее, Тайване и Вьетнаме» [Kaur et al. 2018] проводят обзорное исследование по информационной безопасности в разных азиатских странах. Авторы стремятся составить карту информационных угроз для каждой страны. По их мнению, безопасность информационного пространства зависит от многих взаимосвязанных факторов, в том числе таких, как: культура, история, политика, экономика, образование, цифровое обеспечение, технологические тренды, законы о СМИ и система печати. При этом авторы подчеркивают, что основная цель их исследования состоит не в том, чтобы охватить все подобные аспекты, а в том, чтобы выделить характерные особенности, которые будут способствовать ознакомлению ученых, работников средств массовой информации, технические компании, неправительственные организации и правительственные организации об угрозах информационной безопасности и их влиянии на сообщество.

Блейк Миллер в своей статье «Автоматическое обнаружение китайских правительственных астротурферов с использованием сетевых и социальных метаданных» представляет метод автоматического обнаружения проправительственных «астротурферов» в Китае (еще известных как «Партия пятидесятилетних»). В своем исследовании он использует метаданные комментариев из набора данных (70 млн комментариев СМИ), размещенных в 6 млн статей из 19 популярных новостей. «Астротурфинг – это практика организации сообщения, использующего поддельные “низовые” источники» [Miller 2016]. Астротурфинг позволяет управлять информацией посредством пропаганды. Эти сообщения пытаются имитировать обычных людей, отличить их от реальных сообщений является сложной задачей.

Омер Тене и Жюль Полонецкий в своей статье «Приручение Голема: проблемы этического алгоритмического принятия решений» [Tene, Polonetsky 2017] рассматривают возможность предвзятости и «дискриминации» в автоматизированном алгоритмическом принятии решений. По мнению авторов, алгоритмический процесс нельзя сравнить с «черным ящиком», который защищен от вмешательства извне. Признавая, что алгоритмы написаны людьми для кодирования процессов принятия решений, авторы тем не менее утверждают, что следует проводить различие между «политически нейтральными алгоритмами», в которых отсутствует активная редакционная позиция, и «политически ориентированными алгоритмами», которые преднамеренно созданы

для того, чтобы продвигать политическую повестку, выработанную дизайнером данного алгоритма. Так, в начале цикла президентских выборов 2016 г. в США критики обвинили социальную сеть «Facebook» в том, что она якобы привнесла определенную предвзятость в явно нейтральный генератор контента. Сразу же после президентских выборов, когда стало известно о распространении «фейковых новостей» через социальные сети, комментаторы отчитали «Facebook» за то, что он не осуществлял упреждающую политику по созданию контента, созданного пользователями, чтобы блокировать и удалять недостоверную информацию. Омер Тене и Жюль Полонецкий пытаются ответить на вопрос, должна ли социальная сеть «Facebook» использовать технологии, ориентированные на политику, или ее алгоритм контента должен оставаться политически нейтральным.

В свою очередь, Даниэль Китс Цитрон в статье «Экстремистская речь, вынужденное соответствие и цензура» [Citron 2018] анализирует речевую политику, принятую доминирующими онлайн-платформами в «Силиконовой долине». В соглашении с Европейской комиссией ведущие интернет-компании обязались отреагировать на сообщения о разжигании ненависти в течение 24 часов. Были объявлены планы создания отраслевой базы данных, которая позволит тем же компаниям обмениваться изображениями запрещенного экстремистского контента для просмотра и удаления в других местах. По мнению автора, в этом деле возможны и перекосы: так, вместе со «списками убийств» американских военнослужащих и «инструкциями по выполнению мероприятий террористического характера» в конечном итоге должен быть удален и достойный освещения контент. При этом автор подчеркивает, что «воздействие в рамках легального принуждения» будет «далеко идущим», так как в отличие от национальных законов, действие которых ограничено географическими границами отдельных государств, соглашение с Европейской комиссией применяется именно в глобальном масштабе.

Ричард Л. Хасен в статье «Войны США за голосование 2016 г.: от плохого к худшему» [Hasen 2018] представляет обзор правовых и политических «вопросов честности» на выборах 2016 г. Автор разбирает серию судебных процессов, направленных на формирование правил регистрации избирателей, проведения голосования и подсчета голосов. В своем исследовании он отмечает, что во многих штатах, где действуют республиканские законодательные органы, увеличилось количество и степень строгости законов об ограничении права голоса. Судебные процессы в период выборов 2016 г. выросли на 23% по сравнению с периодом выборов 2012 г. Кроме того, Ричард Л. Хасен обращает внимание на тревожную тенденцию в эволюции современных информационных войн, «прошедших путь от выдвижения необоснованных претензий к кандидату Дональду Трампу о мошенничестве и фальсификации выборов, к российскому (и другому) вмешательству в американские выборы»,

что, по мнению автора, способствует дезорганизации американского общества и снижению уровня доверия к федеральным властям.

Ян Шнелленбах в статье «О поведенческой политэкономии регулирования поддельных новостей» также анализирует стандартные модели поведения избирателей. При этом автор утверждает, что, в общем и целом, главной проблемой, связанной с «поддельными новостями», будет не убеждение, а подтверждение их правдивости (или лживости). Так, «люди могут требовать поддельные новости, чтобы подтвердить устоявшиеся убеждения, которые у них уже есть» [Schnellenbach 2017].

Шимон Коган, Тобиас Дж. Москович и Марина Ниснер в статье «Поддельные новости: данные с финансовых рынков» [Kogan et al. 2018] утверждают, что «поддельные новости» увеличивают торговую активность и волатильность цен на акции, упомянутые в новостях. После того как стало известно о распространении «фальшивых новостей» через социальные сети, авторы обнаруживают немедленное снижение реакции на все новости, включая правдивые, на этих платформах, что согласуется с косвенными побочными эффектами «поддельных новостей».

Кирилл Погорельский и Мэтью Шум в статье «Новости, которыми мы хотели бы поделиться: как обмен новостями в социальных сетях влияет на результаты голосования» [Pogorelskiy, Shum 2019] анализируют связь между обменом новостями в социальных сетях и агрегацией информации путем голосования. По мнению авторов, субъекты чаще делятся новостями, являющимися благоприятными для их партии, чем неблагоприятными, и принимают «поддельные» новости за достоверные при голосовании, игнорируя альтернативные источники новостей.

Лукас де Лима Карвалью в статье «Дело против поддельных новостей в социальных сетях» [De Lima Carvalho 2017] представил аргументы против контроля за «поддельными новостями» в социальных сетях. Исследователь связывает распространение «фальшивых новостей» с вовлечением участников в социальные сети, что, в свою очередь, ставит вопрос о том, должны ли эти платформы активно предотвращать свое использование в целях распространения ложных заявлений или сообщений. Автор критикует современные подходы к организации контроля за «поддельными новостями»: угроза свободе выражения мнений в онлайн-пространстве, неоптимальное положение социальных сетей для ограничения поддельных новостей и потенциально непреднамеренный результат распространяющихся «поддельных новостей».

Данаэ Метакса-Какавули и Николас Торрес-Эчевеppi в своей статье «Роль Google в распространении поддельных новостей и дезинформации» [Metaxa-Kakavouli, Torres-Echererry 2017] анализируют роль «Google» в распространении «фальшивых новостей» в месяцы, предшествовавшие национальным выборам в США 2016 г. и сразу после них. Авторы описывают

«гонку вооружений» между поисковыми системами и «спамерами», использующую слабые места в поисковых алгоритмах, что способствует роли «Google» в распространении «фальшивых» и предвзятых новостей на выборах 2016 г. В рамках продолжающегося учета влияния «фальшивых новостей» и дезинформации на выборах 2016 г. этот подход позволяет отслеживать результаты поиска кандидатов, показывая, что на результаты голосования по 30% кандидатов в той или иной степени влиял потенциально фальшивый или предвзятый контент.

Энтони Дж. Гоган в статье «Нелиберальная демократия: ядовитая смесь фальшивых новостей, гиперполяризации и партийного управления выборами» утверждает, что рост частоты появления «поддельных новостей» угрожает будущему избирательных прав в Америке. По мнению автора, поскольку традиционные средства массовой информации утратили статус «привратника», а Интернет способствует быстрому распространению дезинформации, ложные обвинения в мошенничестве при голосовании преобладают в новостных циклах. Обвинения СМИ в распространении дезинформации вызывают резкое снижение доверия общественности к честности выборов, хотя, по мнению Дж. Гогана, «нет никаких фактических оснований для оправдания страха общественности перед широко распространенным мошенничеством в избирательной системе в Америке» [Gaughan 2017].

Эбби К. Вуд и Энн М. Равель в статье «Обмани меня однажды: регулирование “поддельных новостей” и другой интернет-рекламы» указывают на проблему недостаточной прозрачности политической рекламы в Интернете. Интернет-платформы предпочитают саморегулирование и только недавно стали поддерживать требования государства о прозрачности рекламы в Интернете. Авторы предлагают несколько мер, направленных на достижение прозрачности Интернета. Так, они считают, что «необходимо требовать, чтобы платформы хранили и делали доступными как объявления на своих платформах, так и аудиторию, на которую было нацелено объявление» [Wood, Ravel 2018]. Предлагаемые авторами правила будут охватывать любую политическую рекламу, включая дезинформацию, которая продвигается посредством платного распространения в социальных сетях.

Лиана Бунегру, Джонатан Грей, Томмазо Вентурини и Мишель Маури в статье «Полевое руководство по “поддельным новостям” и другим информационным нарушениям» [Bounegru et al. 2018] исследуют использование цифровых методов для изучения ложных вирусных новостей, политических мемов, методов троллинга и их социальной жизни в Интернете. Авторы исследуют различные формы взаимодействия между цифровыми платформами, вводящими в заблуждение информацией, пропагандой и практиками вирусного контента, а также их влиянием на политику и общественную жизнь в демократических обществах.

Альберто Алеманно в своей статье «Как противостоять поддельным новостям? Таксономия анти-фальшивых новостных подходов» [Alemanno 2018] представляет первую таксономию антифальшивых новостных подходов. По мнению автора, чтобы противостоять «поддельным новостям», политикам необходимо принимать во внимание основополагающие, самоусиливающиеся механизмы, которые делают это явление столь распространенным сегодня. Автор утверждает, что необходимо обратиться к принципам и практике классификации и систематизации, а также истории развития данного феномена, чтобы изучить все особенности, которые используют «фальшивые новости».

Кэтрин Клейтон, Джейс Дэвис, Кристен Хинкли и Юсаку Хориучи в статье «Партизанские мотивированные рассуждения и дезинформация в СМИ: новости из идеологически неконфессиональных источников более подозрительны?» [Clayton et al. 2019] провели исследование по поводу механизмов распространения дезинформации в современных средствах массовой информации. В эксперименте авторы представили партизанам (демократам и республиканцам) и идеологам (либералам и консерваторам) отрывок из новостной статьи, который варьировался в зависимости от показанного источника (CNN, Fox News или без источника) и контента (правдивая или ложная информация). Результаты показали, что, вопреки преобладающим взглядам на поляризацию и политизацию новостных агентств, а также на растущую склонность избирателей участвовать в «партизанских мотивированных рассуждениях», источник контента не так важен, как сама предлагаемая им информация.

Кейтлин Доус в статье «Фальсификация отзывов: стирает грань между бренд-менеджментом и фиктивными отзывами» [Dohse 2013] рассматривает текущую проблему поддельных онлайн-обзоров. Автор рассматривает законы, запрещающие скрытую рекламу, и как эти законы влияют на управление репутацией в Интернете. Кейтлин Доус углубляется в историю потребительских обзоров продуктов, в том числе охватывая тот период, когда в СМИ массово появились «поддельные обзоры», и советует, как правильно применять действующее законодательство к этим «поддельным обзорам».

Вместе с тем необходимо отметить, что «фейковые новости» существовали и до выборов президента США 2016 г., когда на них стали обращать пристальное внимание. Примером «фейковых новостей» могут служить такие информационные поводы, как «эпидемии» «атипичной пневмонии», «птичьего» и «свиного» гриппа, порождавшие ажиотаж и панику даже не в национальных, а поистине в глобальных масштабах. При этом жертвами эпидемии «атипичной пневмонии» во всем мире стали всего около 1100 человек, в то время как от обычного гриппа в мире ежегодно погибают около 400 тыс. человек. (т.е. в 400 раз больше).

Результаты исследования

В целом природа «фейковых новостей» и механизмов их распространения и влияния на сознание людей довольно просты.

«Фейковая новость» – это информационный вброс, содержащий в себе специально подготовленную информацию заведомо провокационного и резонансного характера. При этом сам фейк может содержать как заведомо ложную, так и истинную (проверяемую) информацию, вырванную из контекста конкретной беседы, разговора или выступления.

Цель «фейковой новости» – создание ажиотажа вокруг мнимого информационного повода, создаваемого вбросом заведомо провокационной информации, имеющей резонансный характер. Основной задачей «фейковой новости» при этом становится перехват информационной повестки и замыкание ее на себя, с тем чтобы содержание фейка на некоторое время стало навязчивой идеей, подчиняющей себе сознание человека, подпавшего под влияние «фейковой новости». Если информационная повестка перехвачена и общество заиклилось на обсуждении фейка, главная задача «фейковой новости» выполнена. Вместе с тем в отдельных случаях «фейковые новости» также могут использоваться и для провоцирования паники, массовых беспорядков, дискредитации публичных политиков и общественных деятелей, пропаганды деятельности террористов и экстремистов. Особенно широко «фейковые новости» применяются в современных операциях информационной войны.

Обсуждение результатов

Механизмы распространения «фейковых новостей» также предельно просты: фейки, содержащие информацию заведомо провокационного характера, оказывающее сильное («взрывное») влияние на эмоциональную сферу граждан, распространяются в обществе так называемым вирусным способом – благодаря эффекту «эмоционального заражения». Суть этого способа предельно проста: человек, попавший под влияние «фейковой новости», быстро возбуждается до пограничного состояния (высшей точки эмоционального возбуждения; фейк вступает с психикой человека в эмоциональный резонанс) и в этот момент у него появляется настоятельная жизненно важная потребность поделиться этой резонансной новостью со своими «контактами» из ближнего круга общения (родными, близкими, друзьями, доверенными лицами), причем сделать это немедленно. Тем самым фейк получает в свое распоряжение личные каналы связи и коммуникации человека, заразившегося «фейковой новостью», а сам человек становится ретранслятором фейка на новые аудитории, «заражая» сначала свое ближайшее окружение (которое доверяет ему), а затем и дальний круг своего общения, включая контакты и контакты контактов своих друзей. В результате фейк начинает распростра-

няться по сетям и личным доверительным каналам своих коммуникаторов как вирусная инфекция, передаваемая от человека к человеку через личный информационный контакт. По сути, весь секрет эффективности «фейк-ньюс» – это резонансный характер содержащейся в фейке информации плюс вирусный механизм его распространения.

Как социальное явление «фейковые новости» являются новым шагом в развитии технологий информационного влияния и массовой коммуникации. Этот шаг был сделан, когда информацию резонансного характера сделали «вирусной» и соединили с «вирусными» технологиями ее распространения.

Как инструмент информационной войны «фейковые новости» представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности, с которой пока никто не знает, что делать (включая президента США Дональда Трампа). В этом плане с «фейковыми новостями» надо бороться. Для этого необходимо разработать основы, архитектуру и рекомендации по формированию в Российской Федерации государственной системы противодействия распространению «фейковых новостей» и их влиянию на российское общество, включая соответствующие формы, методы и технологии. Эта система позволит в сотрудничестве со структурами гражданского общества обеспечить защиту граждан от деструктивного влияния «фейковых новостей», а также – существенным образом ограничить каналы их распространения.

Заключение

Сегодня большинство сенсационных событий в мире сопровождается информационным потоком данных, значительная часть которого может представлять собой «поддельные новости», основанные на сведениях заведомо ложного характера, умышленно искажающих восприятие действительности. Данный феномен эффективен в условиях информационного «голода», когда политическая элита дает недостаточно информации или запаздывает с официальными комментариями относительно того или иного события. В этот момент «фейковые новости» заполняют информационные «пробелы» в сознании масс недостоверной или искаженной информацией. Вирусным способом «фейковые новости» способны в короткий срок сформировать повестку дня, вызвав острый общественный резонанс и даже ажиотаж.

Тема «фейковых новостей» вызывает большой интерес со стороны зарубежного профессионального сообщества. Исследователи сводят проблему «поддельных новостей» к резкому снижению доверия общественности к честности выборов, а также к дезорганизации общества и снижению уровня доверия к властям.

Научные сообщества анализируют роль поисковых систем в распространении «фальшивых новостей» и пытаются ответить на вопрос: должны ли

социальные сети и различные поисковые платформы использовать технологии, ориентированные на политику, или ее алгоритм контента должен оставаться политически нейтральным. Единого мнения на этот вопрос пока не выработано.

В большинстве случаев исследователи рассматривают «поддельные новости» как феномен дезинформации в средствах массовой информации, либо изучают методику его выявления и определения. Однако этот подход, достаточно узкий по своей сути, недостаточно отражает саму природу «фейковых новостей» и механизмов их распространения, не способствует выработке эффективных форм и методов противодействия их влиянию на социальные и политические процессы. Остается констатировать, что на сегодняшний день тема противодействия распространению данного явления слабо разработана и она нуждается в серьезной подпитке научными кадрами и идеями.

Библиография

Alemanno A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-Fake News Approaches // *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Iss. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=3143147> (дата обращения: 24.11.2019).

Balkin Jack M. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation // *UC Davis Law Review*. 2018. Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=3038939> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3038939> (дата обращения: 24.11.2019).

Bounegru L., Gray J., Venturini T., Mauri M. A Field Guide to «Fake News» and Other Information Disorders // *A Field Guide to «Fake News» and Other Information Disorders: A Collection of Recipes for Those Who Love to Cook with Digital Methods*. Amsterdam: Public Data Lab, 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3097666> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3097666> (дата обращения: 24.11.2019).

Citron D.K. Extremist Speech, Compelled Conformity, and Censorship Creep // *Notre Dame Law Review*. 2018. 2017. N 12. URL: <https://ssrn.com/abstract=2941880> (дата обращения: 12.12.2019).

Clayton K., Davis J., Hinckley K., Horiuchi Y. Partisan Motivated Reasoning and Misinformation in the Media: Is News from Ideologically Uncongenial Sources More Suspicious? // *Japanese Journal of Political Science*. 2019 Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=3035272> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3035272> (дата обращения: 24.11.2019).

De Lima Carvalho L. The Case Against Fake News Gatekeeping by Social Networks. Sao Paulo: University of Sao Paulo, 2017. 22 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3060686> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3060686> (дата обращения: 03.12.2019).

Dohse K. Fabricating Feedback: Blurring the Line Between Brand Management and Bogus Reviews // *Journal of Law, Technology & Policy*. 2013. N 2. P. 363–392. URL: <https://ssrn.com/abstract=2333170> (дата обращения: 13.10.2019).

Drexler J. Economic Efficiency versus Democracy: On the Potential Role of Competition Policy in Regulating Digital Markets in Times of Post-Truth Politics // *Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper*. 2016. N 16. URL: <https://ssrn.com/abstract=2881191> (дата обращения: 05.09.2019).

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Gaughan A.J. Illiberal Democracy: The Toxic Mix of Fake News, Hyperpolarization, and Partisan Election Administration // *Journal of Constitutional Law & Public Policy*. 2017. N 57. URL: <https://ssrn.com/abstract=2944791> (дата обращения: 07.12.2019).

Hasen R.L. The 2016 U.S. Voting Wars: From Bad to Worse // *William & Mary Bill of Rights Journal*. 2018. Vol. 26. N 3. P. 629–655. URL: <https://ssrn.com/abstract=3001257> (дата обращения: 24.12.2019).

Kaur K., Nair S., Kwok Y., et. al. Information Disorder in Asia and the Pacific: Overview of Misinformation Ecosystem in Australia, India, Indonesia, Japan, the Philippines, Singapore, South Korea, Taiwan, and Vietnam. Hong Kong: The University of Hong Kong, 2018. 70 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3134581> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3134581> (дата обращения: 08.12.2019).

Kogan S., Moskowitz T.J., Niessner M. Fake News: Evidence from Financial Markets. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3237763> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3237763> (дата обращения: 10.01.2020).

Metaxa-Kakavouli D., Torres-Echeverry N. Google's Role in Spreading Fake News and Misinformation // *Stanford University. Stanford Low School. Low and Policy Lab*. 2017. 31 Oct. URL: <https://ssrn.com/abstract=3062984> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3062984> (дата обращения: 08.12.2019).

Miller B. Automated Detection of Chinese Government Astroturfers Using Network and Social Metadata. University of Michigan at Ann Arbor, College of Literature, Science & the Arts, Department of Political Science: 2016. 21. Apr. URL: <https://ssrn.com/abstract=2738325> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2738325> (дата обращения: 20.01.2020).

Pennycook G., Cannon T., Rand D.G. Prior Exposure Increases Perceived Accuracy of Fake News // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2017. N 147 (12). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2958246> (дата обращения: 08.12.2019).

Pogorelskiy K., Shum M. News We Like to Share: How News Sharing on Social Networks Influences Voting Outcomes. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2972231> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2972231> (дата обращения: 13.10.2019).

Schnellenbach J. On the Behavioural Political Economy of Regulating Fake News // *Ordo – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*, Forthcoming. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=3038508> (дата обращения: 20.01.2020).

Tene O., Polonetsky J. Taming the Golem: Challenges of Ethical Algorithmic Decision Making // *North Carolina Journal of Law and Technology*. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2981466> (дата обращения: 11.10.2019).

Verstraete M., Vambauer D.E., Vambauer J.R. Identifying and Countering Fake News // *Arizona Legal Studies Discussion Paper*. 2017. N 17–15. URL: <https://ssrn.com/abstract=3007971> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3007971> (дата обращения: 11.10.2019).

Wood A.K., Ravel A.M. Fool Me Once: Regulating 'Fake News' and Other Online Advertising (September 18, 2018) // *Southern California Law Review*. 2018. N 18–4. URL: <https://ssrn.com/abstract=3137311> (дата обращения: 05.02.2020).

References

Alemanno A. How to Counter Fake News? A Taxonomy of Anti-Fake News Approaches. *European Journal of Risk Regulation*. 2018. Iss. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=3143147> (date of access: 24.11.2019).

Balkin Jack M. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation. *UC Davis Law Review*. 2018. Forthcoming. URL:

<https://ssrn.com/abstract=3038939> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3038939> (date of access: 24.11.2019).

Bounegru L., Gray J., Venturini T., Mauri M. A Field Guide to «Fake News» and Other Information Disorders. A Field Guide to «Fake News» and Other Information Disorders: A Collection of Recipes for Those Who Love to Cook with Digital Methods. Amsterdam: Public Data Lab, 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3097666> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3097666> (date of access: 24.11.2019).

Citron D.K. Extremist Speech, Compelled Conformity, and Censorship Creep. *Notre Dame Law Review*. 2018. 2017. N 12. URL: <https://ssrn.com/abstract=2941880> (date of access: 12.12.2019).

Clayton K., Davis J., Hinckley K., Horiuchi Y. Partisan Motivated Reasoning and Misinformation in the Media: Is News from Ideologically Uncongenial Sources More Suspicious? *Japanese Journal of Political Science*. 2019 Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=3035272> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3035272> (date of access: 24.11.2019).

De Lima Carvalho L. The Case Against Fake News Gatekeeping by Social Networks. Sao Paulo: University of Sao Paulo, 2017. 22 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3060686> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3060686> (date of access: 03.12.2019).

Dohse K. Fabricating Feedback: Blurring the Line Between Brand Management and Bogus Reviews. *Journal of Law, Technology & Policy*. 2013. N 2. P. 363–392. URL: <https://ssrn.com/abstract=2333170> (date of access: 13.10.2019).

Drexler J. Economic Efficiency versus Democracy: On the Potential Role of Competition Policy in Regulating Digital Markets in Times of Post-Truth Politics Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper. 2016. N 16. URL: <https://ssrn.com/abstract=2881191> (date of access: 05.09.2019).

Gaughan A.J. Illiberal Democracy: The Toxic Mix of Fake News, Hyperpolarization, and Partisan Election Administration. *Journal of Constitutional Law & Public Policy*. 2017. N 57. URL: <https://ssrn.com/abstract=2944791> (date of access: 07.12.2019).

Hasen R.L. The 2016 U.S. Voting Wars: From Bad to Worse. *William & Mary Bill of Rights Journal*. 2018. Vol. 26. N 3. P. 629–655. URL: <https://ssrn.com/abstract=3001257> (date of access: 24.12.2019).

Kaur K., Nair S., Kwok Y., et. al. Information Disorder in Asia and the Pacific: Overview of Misinformation Ecosystem in Australia, India, Indonesia, Japan, the Philippines, Singapore, South Korea, Taiwan, and Vietnam. Hong Kong: The University of Hong Kong, 2018. 70 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3134581> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3134581> (date of access: 08.12.2019).

Kogan S., Moskowitz T.J., Niessner M. Fake News: Evidence from Financial Markets. 2018. URL: <https://ssrn.com/abstract=3237763> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3237763> (date of access: 10.01.2020).

Metaxa-Kakavouli D., Torres-Echeverry N. Google's Role in Spreading Fake News and Misinformation. Stanford University. Stanford Law School. Law and Policy Lab. 2017. 31 Oct. URL: <https://ssrn.com/abstract=3062984> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3062984> (date of access: 08.12.2019).

Miller B. Automated Detection of Chinese Government Astroturfers Using Network and Social Metadata. University of Michigan at Ann Arbor, College of Literature, Science & the Arts, Department of Political Science: 2016. 21. Apr. URL: <https://ssrn.com/abstract=2738325> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2738325> (date of access: 20.01.2020).

Pennycook G., Cannon T., Rand D.G. Prior Exposure Increases Perceived Accuracy of Fake News. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2017. N 147(12). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2958246> (date of access: 08.12.2019).

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Pogorelskiy K., Shum M. News We Like to Share: How News Sharing on Social Networks Influences Voting Outcomes. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=2972231> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2972231> (date of access: 13.10.2019).

Schnellenbach J. On the Behavioural Political Economy of Regulating Fake News. *Ordo – Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*, Forthcoming. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=3038508> (date of access: 20.01.2020).

Tene O., Polonetsky J. Taming the Golem: Challenges of Ethical Algorithmic Decision Making. *North Carolina Journal of Law and Technology*. 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2981466> (date of access: 11.10.2019).

Verstraete M., Bambauer D.E., Bambauer J.R. Identifying and Countering Fake News. *Arizona Legal Studies Discussion Paper*. 2017. N 17–15. URL: <https://ssrn.com/abstract=3007971> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3007971> (date of access: 11.10.2019).

Wood A.K., Ravel A.M. Fool Me Once: Regulating 'Fake News' and Other Online Advertising (September 18, 2018). *Southern California Law Review*. 2018. N 18–4. URL: <https://ssrn.com/abstract=3137311> (date of access: 05.02.2020).